УДК 930.85(517.3+47)

ББК 63.3.(5Мон)+63.3(2)

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-104-109

Л. В. Курас

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Размышления историографа по поводу коллективной
монографии «Трансграничная культура:
очерки сравнительно-сопоставительного исследования
традиций западных монголов и калмыков» /
Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Мурзаева и др. – Элиста:
КалмНЦ РАН, 2016. – 456 с.

В статье представлены размышления историографа по поводу опубликованной калмыцкими коллегами коллективной монографии, в которой осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ традиций западных монголов и калмыков. Работа основана на экспедиционном материале, раскрывающем вопросы этнического состава и происхождения, а также этнических маркеров ойратов Монголии и калмыков России. В свою очередь, этот материал проверяется и подтверждается теоретическими наработками, полученными в результате изучения языка и письменных традиций, а также наличием исторических персонажей в фольклоре ойратов и калмыков в контексте исследования трансграничья.

Ключевые слова: калмыки, западные монголы, трансграничная культура, транснациональная история, традиции, сравнительно-исторический анализ.

L. V. Kuras

**TRANS-BORDER CULTURE AS THE ELEMENT
OF TRANSNATIONAL HISTORY**

A historiographer's views on: Trans-border culture: outlines
of the comparative research of traditions of the Western
Mongolians and Kalmyks: monograph / E. P. Bakaeva,
K. V. Orlova, D. N. Murzaeva and others. – Elista:
KalmSC RAS, 2016. – 456 p.

This article presents a historiographer's review of the multi-authored book published by Kalmyk colleagues, featuring the comparative analysis of West Mongolian and Kalmyk traditions. The book is based on field materials that unveil the issues of ethnic composition and origin as well as ethnic markers of Mongolia's Oirats and Russian Kalmyks. In its turn, this material is verifiable by theoretical insights developed in the course of studying language and written traditions, and by the existence of historical characters in the Oirat and Kalmyk folklore in the context of trans-border studies.

Keywords: Kalmyks, Western Mongols, trans-border culture, transnational history, traditions, comparative historical analysis.

Следует сразу же отметить, что заявленная авторским коллективом в рамках гранта Российского научного фонда тема и ее реализация – это создание реальной научной базы для современного изучения традиций всего монгольского мира, что обусловлено двумя составляющими.

Первая составляющая – это само понимание исследователями (Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шареева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева) трансграничной культуры как важнейшего сегмента транснациональной истории, когда традиции рассматриваются не через призму национальной истории Калмыкии и Западной Монголии, а с точки зрения глобальной или транснациональной истории. Этот подход уже получил развитие в современной российской историографии и позволяет не только осветить трансграничные аспекты поставленной проблемы, но и реконструировать историю традиций монгольских народов в качестве наднационального дискурса, оказавшего влияние на развитие и современное состояние монгольского ареала [Саблин 2014; Курас 2016]. На наш взгляд, такой же подход в этнографии сулит большие перспективы.

Вторая составляющая – это компаративистика, т. е. сравнительно-сопоставительный анализ, что, собственно, и делает работу по-настоящему научной и цельной. И потому определение исследователями собственного сочинения как «очерки» есть не что иное, как излишняя скромность. Видимо, именно этим обусловлена идея возможного подзаголовка коллективной монографии «По следам Г. Н. Потанина» [Трансграничная культура... 2016: 7], который в большей мере подходит к такому разделу источниковедения, как «Путешественные записки». Хотя понятно, что это лишь дань уважения к трудам великого ученого и путешественника.

Исследование состоит из введения, трех разделов, разбитых на главы, и приложения.

Важной частью монографии стало введение (Э. П. Бакаева), в котором емко и лапидарно, с опорой на предшественников (Г. Н. Потанин, Б. Я. Владимирцов, В. Л. Котвич, А. В. Бурдуков), на чьих плечах стоит современное ойратоведение и все монголоведение, а также, опираясь на работы советских и монгольских ученых, обоснована география исследования с точки зрения этнографии. При этом, естественно, пальма первенства принадлежит Г. Н. Потанину, который первым «очертил северные границы Центральной Азии», введя «в научный оборот материалы по этнографии народов Северо-Западной Монголии» [Там же]. Именно такой подход позволил ученым не только возродить интерес к ойратоведению и актуализировать исследование, связанное «с выявлением общего и особенного в традициях, проживающих в различных географических условиях и в разных государствах родственных народов» [Там же: 9], но сопоставить традиции западных монголов и калмыков, выйдя на уровень оценки «трансграничной культуры».

Первый раздел «Вопросы этнического состава и происхождения ойратов Монголии» состоит из двух глав. Глава первая – «Ойраты – этнокультурная общность западномонгольских народов» включает в себя проблемы определения состава ойратов и статуса этнических общностей (Э. П. Бакаева), терминологии на монгольском языке, связанной с идентичностью (Э. П. Бакаева) и идентичности западных монголов по данным полевых исследований (Э. П. Бакаева). Это классический и потому бесприорный подход, сочетающий теоретическую отработку категориально-понятийного аппарата и определения статуса ойратов, помноженные на результаты материалов экспедиций. Полагаю, что

принципиально важной является точка зрения автора о современной этнокультурной общности «ойраты», куда исследователь включает ряд народов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Что касается калмыков, то в работе они представлены как «этнос нового типа», относящийся к ойратам лишь «в историческом плане» [Трансграничная культура... 2016: 17]. В этой связи в работе возникает вопрос о самосознании ойратов Западной Монголии, так как в паспорте граждан Монголии указано «монгол». На наш взгляд, следует считать позитивной оценку многолетней дискуссии о термине «монгол», который в научной литературе трактуется и как понятие «монгольские народы», и как соотношение с гражданством, и как этническая общность, и как обозначение суперэтноса. Поэтому столь же неоднозначная картина сложилась в отношении ойратских народов. Все это, естественно, нашло отражение «в монгольской терминологии, связанной с обозначением идентичностей», что отразилось и в разных подходах, обусловленных различными методологическими принципами исследования. Вполне естественно, что все это проявилось в данных о численности ойратских народов.

Вторая глава – «Этнические группы ойратов Монголии и калмыков России, субэтнические группы алтайцев и тувинцев: к проблеме этногенетических связей» – включает параграфы, характеризующие этнические группы дербетов Монголии и калмыков-дербетов (Э. П. Бакаева), торгутов Монголии и калмыков-торгутов (Э. П. Бакаева), хошутов и калмыков-хошутов (Э. П. Бакаева), состав олетов Монголии и калмыков-зюнгаров (Э. П. Бакаева), а также происхождение алтайских урянхайцев и некоторых других этнических групп (Э. П. Бакаева). При этом автор сосредотачивает внимание на лакунах, имеющих в исследовании состава ойратских народов, что она обуславливает спецификой территории их расселения. Именно такой подход дал

положительный результат при рассмотрении этнического состава ойратских народов Монголии и соответствующих субэтносов калмыцкого народа.

Таким образом, первый раздел стал своеобразной подводкой «К проблеме этнических маркеров ойратов Монголии и субэтнических групп калмыков», т. е. к следующему разделу, состоящему из трех глав. В первой главе с помощью фольклора ойратов и калмыков маркируется родина и родовое кочевье (Э. П. Бакаева), основные маркеры территории (Э. П. Бакаева, Д. Н. Музраева, К. В. Орлова). На наш взгляд, особого внимания заслуживает эмпирический материал и выводы исследователей о передвижении «древнего сакрального центра, который движется вместе с людьми от одного кочевья к новому благодаря им самим или буддийским священнослужителям» [Там же: 120]. Важное место в главе отводится тамгам ойратов Монголии и калмыков как знакам родовой или племенной (ранее) принадлежности (Э. П. Бакаева). Причем, исследователь рассматривает их не только как этнографический, но и как исторический источник [Там же: 122]. Этнические маркеры позволили органично перейти ко второй главе – «Маркеры в культуре: общее и особенное», где основное внимание уделено кочевым жилищам ойратов и калмыков в свете этнических взаимосвязей (Т. И. Шараева), специфике некоторых предметов одежды ойратских народов (Э. П. Бакаева) и представлениям о божествах-покровителях в культуре ойратов Западной Монголии и калмыков (Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева). Так, рассматривая жилище как важнейший компонент материальной культуры любого этноса, исследователь представляет составные части жилища, его интерьер, пропорции, правила сборки и установки на местах кочевки, сходные и особенные черты у монголов и тюрков. Такой же тщательный анализ осуществлен в отношении одежды, обуви и головных уборов как важнейших компонентов культуры этноса.

Особое внимание в культуре ойратов уделено представлениям о божествах-покровителях, получившим распространение с принятием буддизма монгольскими народами, хотя в исследовании освещены лишь отдельные факты этой проблемы. Но главным в выявлении маркеров культуры ойратов Монголии и калмыков является то, что «в каждой из этнических групп определенные божества были наделены функциями покровителей», а «особая историческая судьба разных ветвей ойратов определила самостоятельное их развитие» [Трансграничная культура... 2016: 169].

В разрешении проблемы этнических маркеров важное место занимает третья глава раздела, в которой осуществлена оригинальная попытка персонифицировать маркер через мифологизированный образ божества Цаган аав (Белый старец). В главе наряду с описанием происхождения образа Белого старца рассмотрены обряды Нового года и осенних жертвоприношений у ойратов и калмыков, а также связь божества Цаган аав с календарной обрядностью, и особенно с зимним солнцестоянием. Именно сопоставление традиций ойратских народов Монголии и Китая, а также калмыков России позволило ученым «реконструировать компоненты архаического пласта их культуры, относящегося к общему наследию» [Там же: 219].

Третий раздел монографии – «Язык, фольклор и письменная традиция ойратов Монголии и калмыков России в аспектах исследования трансграничья», где внимание уделено фактическому статусу языка, – состоит из трех глав. В первой главе представлены проблемы монголоведческих исследований (Д. Н. Музраева), осуществлен анализ общего и особенного в лексике языка ойратов Монголии и калмыков России (Д. Н. Музраева) и лексические материалы к изучению традиционного быта ойратов Западной Монголии (Д. Н. Музраева), включая лексику, связанную с обозначе-

нием возрастных категорий и социального статуса человека в культуре ойратов и калмыков (Э. П. Бакаева). Сразу же следует обратить внимание на вторую главу раздела, где авторы основное внимание уделяют письменным памятникам ойратов Монголии и калмыков России. Это – проблемы сравнительного изучения письменной традиции калмыков и ойратов Западной Монголии (К. В. Орлова, Д. Н. Музраева), тексты воскурения духам-хозяевам кочевий (К. В. Орлова), ойратский письменный источник «Воскурение Алтаю» (К. В. Орлова) и, наконец, тексты Белого старца у ойратов и калмыков (Д. Н. Музраева). Таким образом, вопросы изучения языка и памятников письменности ойратов Монголии и калмыков России – это выход на серьезные теоретические обобщения, свидетельство чему – научный интерес для сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики, этнографии, этнологии и культурной антропологии. В свою очередь, это позволило в третьей главе сосредоточить внимание на исторических персонажах в фольклоре ойратов и калмыков. Среди них: Лузанг Шуну, Галдама и Амурсана – нойоны Джунгарского ханства (С. В. Мирзаева) и Убаши-хан, занимавший важное место в истории ойратов и калмыков (Э. П. Бакаева). Хочется обратить особое внимание на попытку ученого представить образ Убаши-хана через исторический факт и его интерпретацию. Это важнейший аспект современного развития исторической науки, который Э. П. Бакаева рассматривает лишь в контексте конкретного исторического факта 1771 г. – начала «движения улусов к Яику, возглавляемого наместником Калмыцкого ханства Убаши... в пределы Джунгарии» [Там же: 345], что получило различное осмысление в современной историографии. На наш взгляд, в исследовании следовало указать на наличие различных взглядов [Иванов 1973: 191–199; Смоленский 1966] и даже разночтений [Библер 1969;

Гуревич 1969; Дорошенко 1968; Жуков 1980: 205–215; Иванов 1969] в оценке категории «исторический факт» и выразить свою приверженность либо собственную трактовку этой категории и уже с этих позиций трактовать «движение улусов к Яику». Наша ремарка представляется объективной уже в силу того, что не прекращающаяся дискуссия по поводу «исторического факта» дала основу для новой дискуссии о категории «историографического факта» [Ипполитов 2013].

Хочется отметить прекрасное полиграфическое исполнение издания и добротный иллюстративный материал, существенно дополняющий исследование. Что касается замечаний, то они относятся к формальной и заключительной сторонам исследования.

Формальная сторона вопроса выражается в том, что рецензируемое исследование, претендуя на академическое издание, а оно по содержанию, научно выверенному тексту, тщательно подготовленному и снабженному большим научно-справочным аппаратом и приложениями материалов антропологических особенностей этнических групп дербетов и торгутов Калмыкии и Монголии (Н. В. Балинова, И. А. Хомякова), таковым и является, предполагает наличие научного редактора и рецензентов. При чем это касается не только журнальной

продукции [Подготовка... 2013], но и монографических исследований [Сапожникова 2015] и регламентировано постановлением Минтруда Российской Федерации от 21 августа 1998 г. за № 37 [Научный редактор... 1998].

Что касается заключительной части исследования, то, видимо, авторский коллектив к финалу работы изрядно устал, так как в монографии отсутствует заключение. В данном случае оно необходимо не столько для того, чтобы подвести итоги трехлетнего труда, а здесь есть чем гордиться, сколько для того, чтобы определить пути дальнейшего поиска. К сожалению, никакой нагрузки не несет раздел «Полевые материалы авторов (ПМА)», представленный лишь списком информантов [Трансграничная культура... 2016: 419–421], хотя читатель ожидает возможности ознакомиться непосредственно с полевым, еще не обработанным материалом. Кроме того, авторы внесли такой важный и самостоятельный раздел любого научного издания, каковым является «Источники и литература», в раздел «Приложение». Но все это ни в коей мере не портит благоприятного впечатления от коллективной монографии и вслед за авторами исследования хочется проделать путь «по следам Г. Н. Потанина».

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Источники и литература

Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) / В. С. Библер // Источниковедение: теоретические и методические проблемы: сб. ст. / отв. ред. С. О. Шмидт. – М.: Наука, 1969. – 511 с.

Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? / А. Я. Гуревич // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сб. статей / отв. ред. С. О. Шмидт. – М.: Наука, 1969. – 511 с.

Дорошенко Н. М. Проблема факта в историческом познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. М. Дорошенко. – Л.: [б. и.], 1968. – 16 с.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории / Е. М. Жуков. – М.: Наука, 1980. – 250 с.

Иванов Г. М. К вопросу о понятии «исторический факт» / Г. М. Иванов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. № 6. – Томск: Изд-во ТГУ, 1969. – 245 с.

Иванов Г. М. Исторические источники и историческое познание / Г. М. Иванов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 224 с.

Ипполитов Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 184–195.

Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас; рук. проекта Л. В. Курас; отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. М. Н. Балдано. – Иркутск: Отгиск, 2016. – 252 с.

Научный редактор. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утвержден Постановлением Минтруда РФ от 27 августа 1998 г. № 37).

Подготовка и издание научного журнала. Международная практика по этике редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций: сб. переводов / сост. О. В. Кириллова. – М.: Финансовый университет, 2013. – 140 с.

Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. В. Саблин // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. ст. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 135–136.

Сапожникова С. Редактор и автор научной монографии: актуальные вопросы взаимодействия / С. Сапожникова // Развитие личности. – 2015. – № 2. – С. 43–55.

Смоленский Н. И. Леопольд фон Ранке: Методология и методы исторического исследования / Н. И. Смоленский // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4. – Томск: Изд-во ТГУ, 1966. – С. 270–311.

Трансграничная культура. Очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Мурзаева и др. – Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. – 456 с.